

надо платье/ и вот под булавопку// платок черный/ ну цветной бывает/ и сарафан длинный/ а у нас в чем пришел/ только чтоб платочком прикрыть и коротким рукавом не велит тоже такие// вот и отличия все//.

4) **по поведению.** Старообрядцы не дают пить из своей посуды чужим людям: *Вот самодуры были/ от зелени чего-то// С кружки не давали/ из ковша чего-то... или: Мы ничего/ Они (старообрядцы. — Т.Б.) ничего/ Даже молиться когда приглашают/ Так/ Они, раз предки у них такой религии/ так/ Прежде/ раньше/ правильно мне пить не дадут/ они так не съдут туда/ Сейчас вот другую посуду дадут, пить/.*

Пение и чтение молитв различается, что нередко отмечают жители села: *И чем они отличаются, не знаете?/ — Да вот разны голоса! Они дети/ а вот на разны голоса! Мы по-своему они по-своему// Мы по-церковному а они/ по своему мотиву/.*

«Церковные» отмечают «вымирание» старообрядческой веры, ее растворение: *ну они уже сейчас все и в церковь некоторые стали ходить // ладан тоже там берут / ну а где им больше брать/ а это они вот сейчас// уже поколение уже уходит все / а молодежь/ большинство сейчас в церковь// большинство/. Процесс «вымирания» выражается и в отсутствии единства, в наличии нескольких разновидностей старообрядческой веры: *У них видишь что/ у них все разделяется на десять еще вер и на пятнадцать/ А у нас/ ну вот одна...// Они разделяются/ И у каждого свой устав/ У одной веры такая/ монашки там/ и верховы и так/ То нижние/ то верховы/ то Совмины/ (последние названы по фамилии лидера одной разновидности старообрядческой веры. — Т.Б.).**

Таким образом, восприятие старообрядцев «церковными» отмечено на нескольких уровнях: внешний вид, поведение, религиозные обряды, которые в синтезе дают представление о культуре и существовании старообрядцев в современном мире.

ГЕРАСИМОВА Л.Е.,
кандидат филологических наук,
профессор (Саратовский
государственный университет)

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ РУССКОГО XX ВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Духовный опыт XX века А.И. Солженицын впитывал из всплеск «зэческих памятей» в ГУЛаге, из общения со священниками и мирянами эмиграции, из книг религиозных философов, из страдальческих писем со всей страны и многочисленных встреч с русскими людьми 90-х годов. Неповторимый личный опыт «одного из свидетелей и страдателей бесконечно жестокого века России»¹ был и материалом, и критерием, и вопрошанием. В «Архипелаге ГУЛаге», в «Красном Колесе», в мемуарных книгах и публицистике запечатлены не только личный духовный опыт писателя, но и трудный процесс освоения им коллективного опыта, «глубины духовных опасностей, оскаливших на наш век и на наш народ»². В «Архипелаге» мы видим цепь духовных потрясений, отчаяний, обнадеживающих открытий автора. Например, после встречи в Бутырской тюрьме с Борисом Гаммеровым и разговора с ним о Боге: «... а тут еще одна молодежь выросла и тронулась! Да не туда ли тронулась? Не туда ли, куда мы не могли б и осмелиться? — не так были воспитаны»³. В публицистике Солженицын не раз говорит о постепенности

¹ Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998. С. 3.

² Солженицын А.И. Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. М., 2001. Т. 7: В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. С. 164.

³ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг. 1918–1956. Опыт художественного исследования // Солженицын А.И. Малое собр. соч.: В 7 т. М., 1991. Т. 5. С. 424.

прозрения. В 1974 году он признается: «Это *теперь* мы обучились, да и то не все, что людовраждебной силе, впервые вообще узнанной в XX веке и первыми нами, в России, недопустимо духовно подчиняться никогда ни на вершок: всегда — гибель»⁴.

Реконструируемая из всего творчества А.И. Солженицына его духовная позиция близка к тому «внутреннему устройению», о котором писал в своем дневнике замечательный проповедник и богослов XX века протопресвитер Александр Шмеман как о «триединой» интуиции, о «постоянном хранении даже не сознанием, а именно нутром, душой следующих “отнесенностей”»: “Космическая” — это само чувство *жизни* *hinc et nunc*, это хранение душой общения с космосом: природа, “это” время, свет, сам во всем этом. <...> Мир — как постоянно даруемый и постоянно принимаемый дар. Благодарность. Радость. И в этом смысле — сама жизнь как молитва.

“Историческая”. Это — внутренняя отнесенность к своему *делу, месту, призванию*. <...> Тут молитва о помощи, молитва-экзорцизм, молитва-прояснение (“дай силу принять...”).

И, наконец, “эсхатологическая”. Отнесенность к последнему, к взыскуемому и ожидаемому: “Да придет Царствие Твое...”⁵.

Через всю жизнь, все произведения А.И. Солженицына проходит его убеждение: «... в этот страшный Двадцатый век нам открыт путь большого духовного возвышения»⁶. Путь этот видится в контексте Большого времени: «тысячелетнего духовного устояния». Солженицыну важно восстановить

⁴ Солженицын А.И. Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви... С. 160.

⁵ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983 / Сост., подгот. текста У.С. Шмеман, П.А. Струве, Е.Ю. Дорман; предисл. С.А. Шмемана; прим. Е.Ю. Дорман. М., 2005. С. 219.

⁶ Солженицын А.И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7... С. 367.

«потерянную мерку»: «высокой стойкости тех людей, которые прежде нас говорили и писали по-русски»⁷. В оборванных смертях писатель снова возвращается к мыслям о национальном и мировом духовном опыте⁸.

Книги Солженицына обогащают этот опыт, «трансцендируют свою эпоху» (Н. Струве) потому, что счастливо сошлись: особый дар избранных (Александр Исаевич говорил о своем физическом опущении присутствия Божия, о «духовной поддержке») и сосредоточенность на судьбе России. Сосредоточенность абсолютная, вызывающая споры даже с близкими по духу людьми. Н. Струве, вспомнив слова Гоголя о пророчествующей России, отнес их к Солженицыну: «... он из тех редких избранных, которые сильнее других слышат Божью руку в истории, да и саму историю измеряют мерою иного царства»⁹.

Чтобы понять суть исторических процессов в духовной глубине, Солженицыну прежде всего надо было расчистить русскую историю от «завалов лжи». Это определяло и художественные приемы (видеть! слышать! убрать встроенную в слово идеологическую фальшь), и нравственную непреклонность (жить не по лжи!). Надо было дойти до дна и истории, и человеческого сознания, прожигая все чужеродные напластования. Одной из первых задач стала деконструкция марксистской идеологии с ее «почти мистическим влиянием» на людей в Советском Союзе и на Западе. Споря с А.Д. Сахаровым, утверждавшим, что марксистская идеология для правителей лишь «удобный фасад», а общество вообще «идеологически индифферентно», лишь «лицемерная болтовня заменяет присягу на верность», Солженицын негодует: «Идеология

⁷ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг. 1918–1956. Опыт художественного исследования // Солженицын А.И. Малое собр. соч.: В 7 т. М., 1991. Т. 5. С. 137.

⁸ См.: Российская газета. 2008. 11 декабря (№ 4810).

⁹ Струве Н.А. Православие и культура. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. С. 529–530.

выкручивает наши души как поломоиные тряпки, она расклеивает нас, наших детей, опускает нас ниже животного состояния — и она “не имеет значения”?» И дальше в ответе Сахарову (1974) Солженицын дает ключ к пониманию «потерь во взаимоотношениях людей, в их душах»: «Если *все не верят* и все подчиняются — это указывает не на слабость Идеологии, но на страшную злую силу ее»¹⁰. От «Архипелага» до двучастных рассказов не устает писатель анализировать самые тайные пути проникновения идеологической порчи в человеческую душу. И источники сопротивления этой порче, узнавания ее. В «Архипелаге» автор признается в своем открытии после одного из трудных разговоров с сокамерниками: «... живет в нас отдельно от убеждений какое-то чистое чувство, и оно мне осветило, что я сейчас не убеждение свое проговорил, а это в меня со стороны вложено»¹¹.

Принципиальный антиидеологизм Солженицына — результат духовного постижения самой природы царствования идеологии в XX веке. Одним из первых об этом сказал отец А. Шмеман в статьях начала 70-х: «... от всякой “идеологии” и свободен как раз Солженицын и нас может освободить <...> в том и праздничная сила его творчества, что берет он слова: Россия, вера, народ — слова, давно уже переставшие быть словами, а превратившиеся в “лозунги” и “проблемы”, наполненные идеологической узостью и ненависти, пропитанные злобой, ставшие только разделять и мучить, берет и, омыв своей зрячей любовью, возвращает нам, ничего как будто и не объяснив — новыми, целыми, правдивыми и жизнеспособными»¹². Это об «Августе Четырнадцатого». После прочтения «Архипелага» отец А. Шмеман записал в своем дневнике: «Для меня — потрясающей и глубочайшей правдой “Ар-

хипелага” было (и остается) обличение и изобличение *идеологизма* как основного, дьявольского зла современного мира»¹³. «Пророческим разрушителем» (Шмеман) идола идеологизма явил себя Солженицын и в «Красном Колесе». Мощью художественного исследования он развивает, перепроверяет, подтверждает всем историческим опытом XX века выводы русских религиозных философов об истоках и природе радикальной идеологии. Анализируя «несостоятельность мировоззрения и всего духовного склада русской интеллигенции», С.Л. Франк отмечал «противоречие между морализмом и нигилизмом, между общеобязательным, религиозно-абсолютным *характером* интеллигентской веры и нигилистически-беспринципным ее *содержанием*», видел, что «это противоречие имеет отнюдь не одно лишь теоретическое или отвлеченное значение, а приносит реальные и жизненно-гибельные плоды. Непризнание абсолютных и действительно общеобязательных ценностей, культ материальной пользы большинства обосновывают примат силы над правом, догмат о верховенстве классово-борьбы и “классового интереса пролетариата”, что на практике тождественно с идолопоклонническим обоготворением интересов партии...»¹⁴. Заданный «Вехами», «Из глубины», духовный уровень анализа мировоззрения радикальной интеллигенции Солженицын распространяет на все формы идеологии, выявленные и развитые Февральской революцией. Он идет дальше Бердяева, обличавшего национальные пороки там, где необходимо было «различение духов»; показывает бессилие, идеологическую ограниченность и Гучкова, и Милюкова, и других деятелей Февраля; видит, как в ходе «крушения кумиров» (Франк) возникают новые; прогнозирует возможность политического повтора Февраля. События августа 1991 года, обострив читательское зрение,

¹⁰ Солженицын А.И. Сахаров и критика «Письма вождям» // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. С. 171–172.

¹¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг... Т. 5. С. 422.

¹² Шмеман А., прот. Зрячая любовь // Вестник РСХД. 1971. № 2 (100). С. 148.

¹³ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983... С. 192.

¹⁴ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 194–195.

прояснили не только аналогии между историческими ситуациями, но и глубину солженицынского антиидеологизма. И.Б. Роднянская писала: «Я бы решилась сказать, что в “Апреле Семнадцатого” нет ни одного лица, попадающего под прямой идеологический удар, под исключительный идеологический суд, — а между тем нарастает ощущение всепроникающей духовной болезни, и содрогаешься от явственного присутствия жуткой силы, толкающей Россию в пропасть.

Эту зловещую силу, эту губительную аномалию духа несет в себе сама *аура политической революции*¹⁵. «Дьявольски значительный», по словам критика, словарь революции Солженицын анализирует на метафизическом уровне.

Главный нерв солженицынской прозы (историософский, религиозный, эстетический — все вместе) удивительно точно увидел еще отец Александр Шмеман. Об «Августе Четырнадцатого» он писал: «... эта техническая книга о генералах, окружениях и прорывах есть снова и по-новому глубоко христианская книга. Ибо нет в христианской вере более важного и нужного призыва, чем призыв различать духов — от Бога ли они, нет более губительной опасности, чем подмена, подделка и ложь»¹⁶. Шмеман предсказал, что суждено автору «Августа» «занять трагическое по своему одиночеству место в современной русской литературе: место *экзорциста* русского сознания, освободителя его от всех идолов, пленявших и пленявших его»¹⁷. Начатая отцом Александром история разрушения Солженицыным мифов о России (как дореволюционных — псевдомессианских, псевдомистических, — так и послереволюционных — и советских, и эмигрантских) может быть продолжена вплоть до наших дней (полемика с «пере-

строечными» и «постперестроечными» мифами, с установкой на конструирование национальной идеи).

Для осмысления духовного опыта России в XX веке важно проследить ту динамику смещения и подмен, «антихристовых соблазнов», которая отмечена уже русскими религиозными философами. Но у них речь шла о революционной морали русской интеллигенции. Солженицыну было дано увидеть *плоды* подмен и подстановок революционной морали в самосознании народа, в утопиях «шестидесятников», в мировоззрении «наших плюралистов». Пневматологический дар Солженицына (дар «духоведения», «различения духов»), о котором писал архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)¹⁸, органически соединен в творчестве писателя с историческим опытом.

Один из самых устойчивых мифов, структурировавших психологию интеллигенции в конце XIX и в течение всего XX века, не изжитый даже В.Т. Шаламовым, возобновляемый современными историками, — миф об освящающем жизнь подвиге революционеров-террористов, боровшихся с самодержавием, о высшей их нравственности. В.Т. Шаламов в рассказе «Золотая медаль» писал: «Все, что накопил великий XIX век нравственно важного, сильного, — все было превращено в живое дело, в живую жизнь, в живой пример и брошено в последний бой против самодержавия. Жертвенность, самоотречение до безымянности — сколько террористов погибло, и никто не узнал их имена. Жертвенность столетия, напередшего в сочетании слова и дела высшую свободу, высшую силу»¹⁹.

Шаламов рассказывает о реальном историческом лице — Наталье Климовой, участвовавшей в подготовке взрыва на

¹⁵ Роднянская И.Б. Уроки четвертого узла // Роднянская И.Б. Движение литературы. М., 2006. Т. 1. С. 664.

¹⁶ Шмеман А., *прот.* Зрячая любовь... С. 147.

¹⁷ Там же. С. 146–147.

¹⁸ Иоанн, архиепископ Сан-Францисский. Избранное / Сост., авт. вступ. ст. Ю. Линник. Петрозаводск, 1992.

¹⁹ Шаламов В.Т. Золотая медаль // Шаламов В.Т. Собр. соч.: В 6 т. / Сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. М., 2004. Т. 2. С. 206–207.

даче Столыпина, приговоренной к смерти (казнь была заменена пожизненной каторгой), бежавшей из тюрьмы, активной сотруднице максималиста Михаила Соколова, потом Савинкова: «Климова была человеком девятого вала»; «и на подвиг, и на жертву она смотрела как на самые большие, самые желанные радости бытия»²⁰. Неожиданно для стиля автора «Колымских рассказов» звучат восторженные оценки: «На алтарь победы приносят детей. Такова древняя традиция. Климовой был 21 год, когда ее осудили»; «судьба Климовой — это бессмертие и символ»; «...богатая натура Натальи Климовой дала повод поставить ее сразу в ряд самых выдающихся женщин России»²¹.

О Наталье Климовой и других женщинах-террористках идет речь и в «Августе Четырнадцатого». В главах 59–62 Солженицын блестяще анализирует, как проникают идеологические мифы в самые глубины психологии интеллигенции. Тетушки Адалия и Агнесса восторженно рассказывают племяннице Вероне о подвигах юных террористок, пытаясь «разрыхлить почву», пробудить в девушке жажду свободолобия, борьбы с властью, выхватить ее из «ренегатской, безгоризонтной, рептильной эпохи»²². Пафос тетушек, из которых одна — Адалия — была «народницей вообще», а другая — Агнесса — «то анархисткой, то максималисткой», побывавшей и в тюрьме, и в Сибири, поразительно близок к пафосу автора «Золотой медали»; сходятся и оценки «подвига» террористок. «А Наташа Климова? — восклицают тетушки, — этот цветок среди максималистов. <...> Сперва она тоже, вот как и вы, искала правду в красоте, потом в служении людям — и так пошла в террор. Да без истинного яркого действия — разве может быть в жизни счастье, Вероня?..»²³.

²⁰ Там же. С. 212, 214.

²¹ Там же. С. 206, 222, 207.

²² Солженицын А.И. Красное Колесо. Узел I. Август Четырнадцатого. Кн. 2 // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 2006. Т. 8. С. 61.

²³ Там же. С. 77.

Жертвенность, готовность к смерти завораживают ум и совесть: все освящается, что заканчивается «героической смертью». В письме к дочери Климовой — Н.И. Столяровой, прошедшей ГУЛаг, — В.Т. Шаламов, говоря о «безмясных героях подполья», бросивших бомбу на Аптекарском острове, замечает: «Впрочем, чем-то напоминает Могила Неизвестного Солдата»²⁴. О безмясности героя как о высшей форме жертвенности говорят и наставницы Верони: «... революционер — человек обреченный, у него нет своих интересов, своих привязанностей, не бывает имущества, а иногда он лишен даже имени»²⁵. «Выспая» нравственность революционера — мерило всех ценностей и источник самоутверждения интеллигенции. «Да вся наша русская интеллигенция, с ее безошибочной чуткостью, всегда это понимала! всегда принимала! Не террорист бессердечен! — бессердечны те, кто осмеливается потом казнить этих светлых людей!»²⁶. Что это — восторженность бывших народоволок? Перехлестывающий пафос воспитательной беседы? Воздух времени? Но вот Шаламов: «Еще и сейчас, в 1966 году, как ни разорвана связь времен, имя Климовой сразу находит отклик в сердцах и памяти русских интеллигентов. — Ах, Климова! Это — письмо перед казнью... Да. Да. Да». Сам автор рассказа сожалеет, что «лучшие люди русской революции» — единомышленники его героини — «принесли такие жертвы, что в момент революции у этой партии не осталось сил, не осталось людей, чтобы повести Россию за собой»²⁷.

Поражает «безошибочная чуткость», с которой русская интеллигенция — даже в лице автора «Колымских рассказов» — не улавливает духовную связь между «героизмом»

²⁴ Шаламов В.Т. — Н.И. Столяровой // Шаламов В.Т. Собр. соч.: В 6 т. / Сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. М., 2005. Т. 6. С. 387.

²⁵ Солженицын А.И. Август Четырнадцатого... С. 71.

²⁶ Там же. С. 87.

²⁷ Шаламов В.Т. Золотая медаль... С. 209, 221.

индивидуального террора предшествующих революции десятилетий и массовым *государственным* террором последующего полувека.

Солженицын *художественными* средствами подводит читателя к пониманию решающей подмены. Нравственные идеалы любви к людям, служения, жертвы, сама лексика и пафос народничества обнаруживают связь с архетипом христианского сознания. Потому, наверное, так и захватывают они самых чистых и самоотверженных людей. Но из этой парадигмы выпадает ее основа — искупительная жертва Христа. Без понимания онтологической сущности этой жертвы всякая «аналогия» ведет к губительной подмене: к восприятию жизни только в земных горизонтах, к присвоению *себе* права высшего суда, к «хирургическим» методам устранения зла без понимания его метафизической природы. Отрицание *единственного* пути победы над злом неизбежно ведет к пленению злом. И как следствие — относительность революционной морали, «убийство во имя любви», ГУЛаг.

Духовный слух А.И. Солженицына уловил раньше, чем это поняли многие, родственную связь философских, политических течений, казавшихся антагонистическими, опасность нового тоталитарного тупика для сознания, преодолевшего коммунистический тупик. Опыт России и опыт Запада приводит писателя к неотстранимым выводам: «Из века Просвещения — равно потянулись корни и либерализма, и социализма, и коммунизма <...> либералы всюду и всегда проявляли робость перед коммунизмом: общность идейных — секулярных корней»; «рационалистический Гуманизм, то есть упорный секулярный антропоцентризм, — должен был войти в неизбежный для себя кризис»²⁸. Наблюдая перерождение гуманизма («гуманизм переродился в глобализм худше-

²⁸ Солженицын А.И. Перерождение гуманизма // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. М., 2005. Т. 8: Публицистика: На Западе. 1990–1994; В России. 1994–2003. С. 513, 512.

го вида. <...> И это — трагедия гуманизма, это главное содержание перехода в XXI век и Третье тысячелетие»²⁹), Солженицын предостерегает от опасности погружения современного российского сознания в долгожданный западный гуманизм, в новейший либерализм. На большой духовной глубине ведет писатель спор с современными либералами о свободе человека, о юридическом ее понимании, о расвобождении как утрате всех норм и ограждений.

«Подлинно человеческая свобода — есть от Бога нам данная свобода *внутренняя*, свобода определения своих поступков, но и духовная ответственность за них»³⁰, — не отступает Солженицын от открывшегося ему в опыте покаяния, молитвы, всей жизни.

Публицистику писателя 90-х годов можно назвать «текущей пневматологией» (выражение Р.А. Гальцевой). Обращаясь к разным областям современной жизни, Солженицын остро ощущает «сквозники для зла», оставленные гедонистическим сознанием, «игру на струнах пустоты» в искусстве, «онемение личности», «потерю духовной сосредоточенности», «оскудение» русского языка; бескомпромиссно анализирует падение культуры, «выдохшейся из-за своей секуляризации». «Затмилась духовная ось мировой жизни»³¹. Увиденные в таком масштабе события, явления, тенденции последних двух десятилетий из хаоса — политического, нравственного, бытового — складываются в единую картину, противостоящую раздерганному, релятивистскому сознанию, постмодернистскому восприятию мира, парализующему волю человека. Анализируя сегодняшний ценностный плюрализм с его претензией на духовный поворот, упразднение

²⁹ Солженицын А.И. Беседа с Витторио Страда // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8... С. 507.

³⁰ Солженицын А.И. Слово при получении премии «Фонда свободы» // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7... С. 232.

³¹ Солженицын А.И. Игра на струнах пустоты // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8... С. 93.

критерия истинности как такового, современней философ, исследователь идейных течений XX века Р.А. Гальцева пишет: «...борясь с неустранимым из человеческой души запросом на смысловую истину универсального приложения, плюралисты вступают на дорогу всех утопических реорганизаторов мира и предлагают переделать по мерке своих требований самую человеческую природу. Человека отучают от постановки “проклятых вопросов”, от исканий смысла жизни, ибо ему предписано отныне не принимать свои убеждения всерьез. Разве это не насильственная программа по формированию радикально “нового человека”?!»³².

Отвергая безграничный плюрализм, опустошающий человеческую душу, безграничный культ свободы от всех норм и запретов, Солженицын вновь, как и в 70-е годы, поднимает читателя от безответственных споров разных по видимости, но единых в духовной сущности «тоталитаризмов» XX века к духовно ответственному и действенному постижению уроков столетия — и исторических, и антропологических. Выход России из «обвала» — и экономического, и культурного, и духовного — видится писателю прежде всего в целостном, последовательном осознании «ответственности за сокрушительное историческое поражение русского народа, испытанное и испытываемое им в Двадцатом веке»³³.

Одна из первоочередных задач современного прочтения творчества Солженицына — воспринять открывшуюся его духовному зрению и чувству суть исторических процессов XX века. Не восхищаться «пророчеством», не уличать в тактических ошибках, не сводить к политическим спорам — а понять.

³² Гальцева Р.А. Знаки эпохи. Философская полемика. М., 2008. С. 180.

³³ Солженицын А.И. Доклад на IV Рождественских образовательных чтениях при Московской Патриархии // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8... С. 334.

А.И. Солженицын — прежде всего художник. «Посредством искусства иногда посылаются нам, смутно, коротко, — такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению»³⁴ — эти слова из Нобелевской лекции высвечивают важную составляющую художественного метода, поэтики прозы писателя: «пневматологичность», о которой писал архиепископ Иоанн (Шаховской). Это можно сказать о всех жанрах — от «художественного исследования» («Архипелаг ГУЛаг»), «повествования в отмеренных сроках» («Красное Колесо») до рассказов и крохоток.

Антропологический опыт «трагического и несчастного», как сказал Александр Исаевич в Темплтоповской лекции, XX века не будет до конца понят без особого *психологизма* в художественном творчестве Солженицына. Писатель сосредоточен на психологических ситуациях, психологической динамике, связанных с законами «невидимой брани». В некоторых случаях психологизм Солженицына напоминает психологизм святоотеческой аскетической литературы.

Во многих главах «Архипелага» (например, в главах части четвертой «Душа и колючая проволока») мы видим не только соединение всенародного и личного, но и постоянную, влияющую на внутреннюю композицию, борьбу «общечеловеческого» взгляда и выстрадавшего лагерем опыта христианского. Это не диалог, это самоанализ. «Но угрызений совести не знает Архипелаг ГУЛаг!» — восклицает автор. «Это было чувство всеобщей правоты. Это было ощущение народного испытания — подобного татарскому игу»³⁵. «Но если не в чем раскаиваться — о чем, о чем все время думает арестант?» Вся книга направлена против государственной системы — мясорубки, перемалывающей человека. Но: «Пусть захлопнет

³⁴ Солженицын А.И. Нобелевская лекция // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7... С. 18.

³⁵ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг... // Солженицын А.И. Малое собр. соч.: В 7 т. М., 1991. Т. 6. С. 375.

здесь книгу тот читатель, кто ждет, что она будет политическим обличением»³⁶. — «И перед ямой, в которую мы уже собрались толкать наших обидчиков, мы останавливаемся оторопев: да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они»³⁷. Солженицын не снимает ответственности с человека, с себя.

Все силы лагерной системы направлены на разрушение человека. «Самоприказ “дожить!” — естественный всплеск живого. Кому не хочется дожить? Кто не имеет права дожить? Напряжение всех сил нашего тела!»³⁸ И дальше в главе «Восхождение» Солженицын показывает, как зарок «дожить любой ценой» разрушает человека. «Любой ценой — это значит ценой другого. Это — великий развилочный лагерь жизни. <...> Пойдешь направо — жизнь потеряешь, пойдешь налево — потеряешь совесть»³⁹. Судьбы, судьбы и через все: «Не результат важен, а дух. <...> Не что достигнуто, но — какой ценой»⁴⁰.

Но есть и другая трудность. В условиях тотального подавления личности у человека возникает естественное стремление — сохранить (также любой ценой) свое «я», свою аутентичность. Человек цепляется за свое «я», как за жизнь, и в этом — его противостояние системе. Но в этом же — и препятствие к раскаянию. Человек неверующий, находящийся укреплению только в своей личности или в своей идее, боится разрушить самоанализом константу своего «я», так как для него это равносильно уходу в небытие. Он пытается оправдывать себя безвыходными обстоятельствами или выводить самооправдание из своей идеи. Солженицын безоглядно честным анализом не боится разрушить свое «я». Подвергнуть себя такому анализу может только тот, кто чувствует над собой и за собой Высшую силу, кто не боится поколебать свою

³⁶ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг. Т. 5... С. 124.

³⁷ Там же.

³⁸ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг. Т. 6... С. 376.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 380.

целостность — «потерять свою душу», — понимая, что это, по слову Христа, путь ее обретения: *Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее* (Мф. 16, 25). Солженицын, вспоминая попытку завербовать его, развращения властью в армии, гордость свою, случай, когда заставил пленного немца нести свой чемодан, и многое другое, отмечает все возможные оправдания, выговаривает греховную основу поступков и помыслов, обозначает ее безжалостной формулой: «Я приписывал себе бескорыстную самоотверженность. А между тем был — вполне подготовленный палач»⁴¹. Лагерный опыт покаяния, духовного самоанализа укрепит душу автора «Архипелага»; лег в основу одного из ключевых для XX века призывов — «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» (1973); способствовал углублению художественного психологизма.

Читатель «Архипелага» убеждается и в том, что собственные падения учат человека не обольщаться никакими утешающими идеями, но учат и прощению других, терпению, «все понимающей мягкости» некатегорических суждений, любви к ближним. О ступенях восхождения («ты подымаешься») автор «Архипелага» говорит как о психологических изменениях характера зэка.

Христианское умонастроение позволяет увидеть то, что сокрыто от других: «Да, ты посажен в тюрьму зряшно, перед государством и его законами тебе раскаиваться не в чем. Но — перед отдельными другими людьми?»⁴². Беседа в хирургической палате с доктором Борисом Корнфельдом, который наутро будет убит. «Но если перебрать жизнь и вдуматься глубоко — мы всегда отыщем то наше преступление, за которое теперь нас настиг удар», — говорит доктор. «Я и сам к тому времени уже дорос до сходной мысли», — вспоминает автор и сам себе возражает: почему не наказывает судьба мучителей?

⁴¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг. Т. 5... С. 124.

⁴² Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг. Т. 6... С. 382.

почему они благоденствуют? И повое самовозражение: «Это решилось бы только тем, что смысл земного существования — не в благоденствии, как все мы привыкли считать, а — в развитии души. С *такой* точки зрения наши мучители наказаны всего страшней: они свинеют, они уходят из человечества вниз. С такой точки зрения наказание постигает тех, чье развитие — *обещает*»⁴³.

Вовлекая в психологический анализ суждения лагерников, события, судьбы, перепроверя себя, прослеживая, как развивается от страдания душа и начинает человек свое восхождение, Солженицын постоянно чувствует, что дана была ему Божья поддержка. Оттого он и смиренен перед погибшими: «Благословение тебе, тюрьма, что ты была в моей жизни! (А из могил мне отвечают: — Хорошо тебе говорить, когда ты жив остался!)»⁴⁴. Незавершенный спор о растлении и восхождении в лагере продолжается как спор о столкновении — на последней глубине человеческой души — добра и зла. Спор Солженицына с теми, кто хочет понять лагерь с позиций рационального гуманизма. Духовный анализ Солженицыным истории и человеческой души — это освобождение от идолов сознания, от страха метафизического одиночества, обретение опоры. Вектор восхождения.

Двучастные рассказы и публицистика Солженицына 90-х годов — активное включение не только в исторические, но и в антропологические споры об итогах XX века. «Великая Русская Катастрофа 90-х годов XX века» тем опаснее в глазах Солженицына, что сам русский характер «угнетался, омрачался и изламывался во весь советский период. Большевики издегали, искрутили и изожгли наш характер — более всего выжигали сострадательность, готовность помогать другим, чувство братства...»⁴⁵.

⁴³ Там же. С. 383.

⁴⁴ Там же. С. 385.

⁴⁵ Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8... С. 204.

Идеология паживы «густо дохнула распадом в народный характер», она «обрушино» меняет и сознание, и язык народа. И это все в контексте мирового сознания с его притяжением к бездне пустоты, с захватным распространением аномального, аморального в культуре. Солженицын — художник и публицист — обнаруживает поворотные точки, в которых человек отходит от работы над собой, от несения своего креста ради иных «вдохновений», иных радостей — «не в рост, а под уклон». То, что плюралистам кажется «морализаторством», на самом деле — опыт страдания и любви к человеку: «художнику дано лишь острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него — и остро передать это людям»⁴⁶.

Все творчество Солженицына несет людям, по глубокому замечанию О. Седаковой, «знание силы воскресения, его “непобедимой победы”»⁴⁷.

Это чувство пасхальной победы, пропедшей через смерть к Воскресению, удерживает А.И. Солженицына от горестного отчаяния при подведении итогов русского XX века. Только человек «высокого мирочувствия» и «духовной укрепы от Православия» не побоится, не уклонится осознать страшное: «Русский народ в целом потерпел в долготе XX века — историческое поражение, и духовное, и материальное»⁴⁸; «Россия — дотла разорена и отравлена, народ в невиданном моральном унижении и едва не гибнет физически и даже биологически»⁴⁹. Но для Солженицына «осознать — не значит принять и покориться. Но значит: опомниться, пока еще не истекли все сроки. Успеть найти направление выхода и направить силы к нему»⁵⁰. В 1994 году он говорил в Государственной

⁴⁶ Солженицын А.И. Нобелевская лекция... С. 18.

⁴⁷ Седакова О. Сила, которая нас не оставит // Фома. 2008. № 12. С. 31.

⁴⁸ Солженицын А.И. Россия в обвале... С. 200.

⁴⁹ Солженицын А.И. Игра на струнах пустоты... С. 91.

⁵⁰ Солженицын А.И. Россия в обвале... С. 201.

Думе: «Я, однако, сохраняю веру, что путь к исцелению России не закрыт, и через все развращения, и через все уничтожения, пережитые нами за 70 лет, наш народ еще удивительно сохранил и разнообразный, и богатый духовный потенциал»⁵¹.

Через все сомнения 2000-х годов пронес великий писатель свое самое большое желание, высказанное в одном из последних интервью: «Чтобы русский народ <...> не пал бы духом, не пресекался в существовании на Земле — но сумел бы воспрянуть. Чтобы в мире сохранились русский язык и культура»⁵².

⁵¹ *Солженицын А.И.* Речь в Государственной Думе // *Солженицын А.И.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8... С. 266.

⁵² *Солженицын А.И.* Интервью с Питером Холенштейном // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвич. М., 2005. С. 56.

ТАТАРНИКОВ Д.Г.,
кандидат исторических наук
(Саратовский государственный
университет)

ХРИСТИАНСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В ПОСЛАНИЯХ ИВАНА IV К КНЯЗЮ АНДРЕЮ КУРБСКОМУ

Разбирая послания Ивана IV с тем, чтобы увидеть христианское обоснование царской власти именно так, как понимал его Грозный царь, постараемся интерпретировать находящийся в нашем распоряжении источник, исходя не только из его текста, но и учитывая тот политический контекст, в рамках которого он был создан.

Ко времени воцарения Ивана IV в России сложилась своеобразная политическая система — по выражению В.О. Ключевского, «абсолютная монархия, но с аристократическим управлением, т. е. правительственным персоналом»¹. Под этим персоналом следует понимать бояр, в большинстве своем тех потомков прежних владетельных князей, которые, собравшись в Москве, возомнили себя властными советниками государя. Они представляли себе, что их прежняя власть, унаследованная от предков, из одиночной, личной и местной превратилась теперь в собирательную, сословную и всеземскую². Государь же, хотя и признавал даже аристократическую организацию московского боярства — местничество, однако воспринимал бояр только как своих дворовых слуг, которых он пожаловал в звание холопов государевых³.

¹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1987. Т. 2. Ч. 2. С. 170.

² Там же. С. 135.

³ Там же. С. 170.